

К.В. НИКИФОРОВ

СЕРБИЯ НА БАЛКАНАХ XX ВЕК

«Самое большое разочарование в моей жизни принесли мне победы. Победы не оправдывают себя. Я никого не убивал. Но меня убивали. Задолго до смерти. Моим книгам было бы лучше, если бы их написал какой-нибудь турок или немец. Я же был самым известным писателем самого ненавидимого народа – сербского народа. Новое тысячелетие началось для меня в 1999 году (три перевернутые шестерки) с третьей в моей жизни бомбардировки, когда самолеты НАТО стали сбрасывать бомбы на Белград, на Сербию. С тех пор Дунай – река, на берегу которой я живу, – перестал быть судоходным. В целом я могу сказать, что я при жизни получил то, что многие писатели получают только после смерти. Даровав мне радость сочинительства, Бог щедро осыпал меня милостями, но в той же мере и наказал. Наверное за эту радость».

Милорад Павич

Константин Владимирович Никифоров

Сербия на Балканах. XX век

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11104387

Сербия на Балканах. XX век / К. В. Никифоров: Индрик; Москва; 2012

ISBN 978-5-91674-209-1

Аннотация

В книге на широком балканском фоне рассматриваются важнейшие события истории сербского народа в XX веке. В центре исследования особенности его государственности в различных исторических формах – в качестве королевской и республиканской Сербии в начале прошлого и начале нынешнего веков, а также в составе карагеоргиевичевской, титовской и милошевичевской Югославии. Особое внимание уделено различным процессам, происходившим на Балканах в прошлом веке и самым непосредственным образом влиявшим на сербскую историю. Для специалистов и всех интересующихся историей Сербии и Балкан.

Содержание

Введение	6
Часть I. Сербские сюжеты	17
Цикличность новой сербской истории	17
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Константин Никифоров

Сербия на Балканах. XX век

«Самое большое разочарование в моей жизни принесли мне победы. Победы не оправдывают себя.

Я никого не убивал. Но меня убивали. Задолго до смерти. Моим книгам было бы лучше, если бы их написал какой-нибудь турок или немец.

Я же был самым известным писателем самого ненавидимого народа – сербского народа.

Новое тысячелетие началось для меня в 1999 году (три перевернутые шестерки) с третьей в моей жизни бомбардировки, когда самолеты НАТО стали сбрасывать бомбы на Белград, на Сербию.

С тех пор Дунай – река, на берегу которой я живу, – перестал быть судоходным.

В целом я могу сказать, что я при жизни получил то, что многие писатели получают только после смерти.

*Даровав мне радость сочинительства,
Бог щедро осыпал меня милостями, но в той же
мере и наказал. Наверное за эту радость»*
Милорад Павич

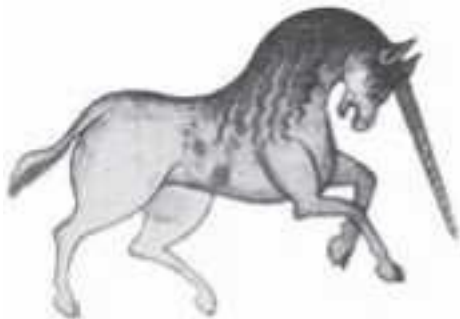

Книга публикуется в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории».

Рецензенты:

доктор исторических наук *А.Л. Шемякин*

кандидат исторических наук *Л.В. Кузьмичева*

Введение

Эта книга сложилась из многолетних раздумий автора об истории сербов¹. Какие-то мысли в той или иной форме уже излагались им в научной литературе, какие-то публикуются впервые. Причем речь прежде всего идет о сербской государственности в XX веке. Иногда, правда, освещаются и некоторые другие, но связанные с нею проблемы, а при необходимости хронологические рамки немного раздвигаются и захватывают конец XIX и начало XXI вв.

В любом случае сербская государственность – одна из важнейших проблем исторической сербистики². Особенно это применимо к новому времени. Для самих сербов после нескольких веков закабаления – идея своего государства

¹ В 1982 г., ровно 30 лет назад, автор переступил порог академического Института славяноведения (тогда – Института славяноведения и балканистики) и уже профессионально занялся сербской и балканской историей. Написанию этой книги частично способствовал и спецкурс, который с 2006 г. читается им для студентов кафедры истории южных и западных славян исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

² Недаром последний обобщающий трехтомник по истории Сербии, принадлежащий перу сербских авторов, так и называется: «История сербской государственности». См.: *Благојевић М., Медаковић Д.* Историја српске државности. Књига I. Од настанка првих држава до почетка српске националне револуције. Нови Сад, 2000; *Љушић Р.* Историја српске државности. Књига II. Србија и Црна Гора – нововековне српске државе. Нови Сад, 2001; *Димић Љ.* Историја српске државности. Књ. III. Србија у Југославији. Нови Сад, 2001.

имела почти сакральное значение.

В то же время это государство принимало самые различные очертания по форме и содержанию. Французский политолог Алексис Труд справедливо определяет Сербию как государство с постоянно изменяющимися границами³. И особенно разительные метаморфозы претерпела сербская государственность в XX веке – от королевской Сербии, в которой произошла смена династии, через три абсолютно разные Югославии и до современной республиканской парламентской Сербии.

Кроме того, в начале XX в. существовало еще одно сербское государство – Черногория. В 2006 г. она, вновь добившись независимости, почти отеклась от своего сербского происхождения. Наконец, в 1990-е годы сербская государственность существовала также в форме двух непризнанных государств – Республики Сербская Краина и Республики Сербской. И если Республика Сербская сохранилась как одна из двух частей дейтонской Боснии и Герцеговины, то Республика Сербская Краина прекратила свое существование.

В этой книге мы, с одной стороны, говорим в основном только о собственно Сербии, о ее постоянно менявшейся государственности. Причем военные сюжеты, на которые был так богат для сербов XX век, почти не освещаются. Они требуют отдельного рассмотрения, и многое на этом направле-

³ *Trud A. Geopolitika Srbije. Beograd, 2007. S. 49.*

нии уже сделано. Но, с другой стороны, добавлены балканские сюжеты. Несколько глав книги посвящены процессам, которые проходили в прошлом столетии на Балканах, но которые оказали заметное влияние на ход сербской истории и развитие сербской государственности.

Понять сербскую историю без общевалканских процессов нельзя. Абсолютно прав был известный сербский историк Радован Самарджич, который любил повторять, что невозможно быть специалистом по истории Сербии, не будучи одновременно специалистом по истории Балкан, причем изучаемых на широком общевалканском фоне. И действительно, история Сербии – это своего рода матрешка, где собственно сербская история вставлена в историю Балкан, а история Балкан, в свою очередь, – в общевалканскую и всемирную историю.

В своей работе мы, естественно, опирались на труды предшественников. Не разбирая их подробно, скажем только, что поколение послевоенных отечественных историков-славистов и балканистов заложило основы, если можно так выразиться, монографического изучения истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. До этого углубленно изучалась преимущественно российская история или история более крупных зарубежных государств. Но это поколение ученых, помимо всего прочего, убедительно доказало, что для исторической науки не имеет принципиальной разницы – идет ли речь об огромной тысячелетней империи или

о недавно образовавшемся небольшом государстве. Законы общественного развития – едины для всех и могут изучаться на любом материале.

Монографическое направление в исследованиях остается и, по-видимому, останется в обозримом будущем доминирующим направлением мировой, в том числе и российской исторической науки. В полной мере это относится и к истории Сербии. Специалисты рассматривают в монографиях отдельные проблемы ее истории, отдельные источники, деятельность отдельных исторических персонажей. При этом стоит отметить, что по разным причинам история Сербии XX в. изучена в России крайне неравномерно: начало века (включая Первую мировую войну) с фактологической точки зрения изучено намного лучше, чем остальная часть XX в., особенно период после Второй мировой войны. С историологической же точки зрения – сделать предстоит еще много по всем периодам новой сербской истории.

К сожалению, в советское время заниматься послевоенной «ревизионистской» Югославией и входящей в нее Сербией было намного труднее, чем историей других бывших европейских социалистических стран; разрешение на публикацию любой книги, связанной с современной югославской проблематикой, даже после нормализации советско-югославских отношений давалось фактически на уровне Центрального комитета КПСС. И даже тем изданиям, которые выходили, часто присваивался гриф «ДСП» – «для слу-

жебного пользования».

В результате долгие годы самым серьезным исследованием по внутренней истории социалистической Югославии оставалась, на наш взгляд, вышедшая под грифом «ДСП» монография П.Е. Канделя⁴. Понятно, что Кандель был не свободен в своих оценках, и они сегодня нуждаются в серьезной коррекции. Однако циклы развития югославского общества определены им новаторски и вполне достоверно.

Открытый доступ в те годы, по существу, ограничивался двумя коллективными трудами Института экономики мировой социалистической системы АН СССР (ныне – часть Института экономики РАН), которые так и назывались: «Социалистическая Федеративная Республика Югославия»⁵. Оживление в изучении послевоенной Югославии в отечественной исторической науке началось уже в конце периода «перестройки» в Советском Союзе⁶.

Но тут на какое-то время главное внимание российских ученых оказалось приковано к югославскому кризису кон-

⁴ Кандель П.Е. Югославское самоуправление и основные направления внешней политики СФРЮ (1949–1979). М., 1979.

⁵ Социалистическая Федеративная Республика Югославия / Отв. ред. Л.А.Никифоров. М., 1975; Социалистическая Федеративная Республика Югославия / Отв. ред. Л.А.Никифоров. М., 1985.

⁶ См., например: *Гибрианский Л.Я.* Советский Союз и новая Югославия. 1941–1947 гг. М., 1987; *Кузнецовский В.Д.* Эволюция югославской концепции социализма. М., 1990; *Каменецкий В.М.* Политическая система Югославии (1950–1980 гг.). М., 1991; *Гиренко Ю.С.* Сталин-Тито. М., 1991.

да XX – начала XXI вв.⁷ Кстати, некоторые исследователи поспешили назвать череду войн на постюгославском пространстве – «Третьей балканской войной», что являлось очень большой натяжкой. Также нельзя югославский кризис (1991–2001 гг.) называть балканским, что порой еще встречается в историографии. За пределы бывшей Югославии кризис так и не вышел, и нет никакой причины придавать ему в названии региональный характер. Тем более что именно этим часто обосновывалась правомерность вмешательства в югославские дела со стороны так называемого мирового сообщества.

Кризис, наконец, закончился, и в последнее время отечественные авторы смогли вернуться к собственно истории Югославии (и Сербии в ней) в XX столетии. Почти одновременно свет увидели несколько серьезных монографий⁸.

Однако даже после исчезновения идеологических запре-

⁷ См., например: *Волков В.К.* Трагедия Югославии // Новая и новейшая история. 1994. № 4–5; *Мартынова М.Ю.* Балканский кризис: народы и политика. М., 1998; *Никифоров К.В.* Между Кремлем и Республикой Сербской. (Боснийский кризис: завершающий этап). М., 1999; *Романенко С.А.* Югославия: кризис, распад, война. Образование независимых государств (национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX–XX вв.). М., 2000; *Гуськова Е.Ю.* История югославского кризиса (1990–2000). М., 2001 и другие работы.

⁸ См.: *Аникеев А.С.* Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период холодной войны (1945–1957). М., 2002; *Едемский А.Б.* От конфликта к нормализации: советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008; *Силкин А.А.* Королевство сербов, хорватов и словенцев: на пути к диктатуре. 1918–1929 гг. СПб., 2008.

тов в России остались серьезные проблемы с рассекречиванием архивных материалов, касающихся советского и особенно послевоенного периода отечественной истории. После недолгого периода открытости документы вновь стали труднодоступными⁹. В результате можно сказать, что на монографическом исследовательском уровне история Югославии и Сербии отечественными историками фактически доведена только до конца 1950-х годов. Начиная с 1960-х годов югославская история изучена намного хуже и в основном на югославских документах. Дальнейшее развитие российской исторической науки должно привести к заполнению существующих пробелов.

Другая проблема заключена в том, что читателю, начинающему исследователю становится все труднее разбираться во все увеличивающемся потоке специальной научной литературы. Растет потребность и в работах совершенно другого характера, прежде всего – в обобщающих трудах, в осмыслении уже написанного.

В конце 1980-х годов в Институте славяноведения была предпринята попытка написания кратких историй стран Центральной и Юго-Восточной Европы, но по истории Югославии запланированный труд выйти в свет не успел. Пали все запреты, и еще не написанный труд устарел уже на стадии обсуждения.

⁹ Сошлемся на руководителя архивной службы России в 1990–1996 годах. См.: *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти. 1945–1991. М., 2000. С. 651.

После этого появилось несколько обобщающих работ по истории соседних с Сербией стран. Назовем, в частности, книги Ар. А. Улуныяна «Политическая история современной Греции. Конец XVIII в. – 90-е гг. XX в.» (М., 1998), В.И. Фрейдзона «История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991)» (СПб., 2001), Н.Д. Смирновой «История Албании в XX веке» (М., 2003). К ним примыкает недавно вышедшая книга Л.А. Кирилиной, Н.С. Пилько и И.В. Чуркиной «История Словении»¹⁰. Все эти труды носят в основном описательный характер, сродни курсу лекций, что, однако, не принижает их значимости.

Работы подобного рода имеют также прикладное значение. События 1990-х годов в бывшей Югославии выявили, с одной стороны, неподдельный интерес общественности России к сербской истории, а с другой – огромный дефицит соответствующей литературы. Посоветовать что-то для чтения широкой публике довольно трудно. Научно-популярная литература по истории Сербии, сербской культуры, русско-сербских связей также практически отсутствует, заменяется всевозможными суррогатами. А ведь именно с нее, наверное, должно начинаться знакомство с сербской историей и культурой¹¹.

¹⁰ Кирилина Л.А., Пилько Н.С., Чуркина И.В. История Словении. СПб., 2011.

¹¹ Из серьезных работ назовем перевод на русский язык книги сербского академика С. Чирковича (*Чиркович С.М. История сербов*. М., 2009).

Еще одним своего рода мостиком между исследовательскими и обобщающими работами могла бы стать литература историографического характера. Однако она почти всегда в дефиците¹², а сегодня даже рецензии на работы коллег пишутся неохотно. В итоге в России почти не выходит работ, специально посвященных развитию сербской исторической науки, исторической мысли¹³. Между тем такие работы были бы очень интересны. Специальных исследований заслуживают и отдельные ученые, например, такой признанный сербский историк, правовед и государственный деятель из межвоенного периода, как Слободан Йованович или, если говорить о современности, Бранко Петранович, Сима Чиркович и Милорад Экмечич. Можно уже обратить внимание и на творчество представителей следующего поколения сербских историков. Разумеется, специальных исследований заслуживают также работы отечественных историков, и не только до-революционных¹⁴, но и современных. Прежде всего это относится к историкам из блестящего поколения С.А. Никитина, Ю.А. Писарева, И.С. Достян, В.Н. Виноградова, В.К.

¹² Больше двадцати лет назад вышел историографический очерк: *Вяземская Е.К., Данченко С.И.* Россия и Балканы. Конец XVIII в. – 1918 г. (Советская послевоенная историография). Обзор. М., 1990. С. 5.

¹³ О сербской историографии см., в частности, полемическую книгу М. Йовановича и Р. Радича (*Јовановић М., Радич Р.* Криза историје: српска историографија и друштвени изазови краја 20. и почетка 21. века. Београд, 2009).

¹⁴ См., например: *Воробьева И.Г.* Профессор-славист Нил Александрович Попов. Тверь, 1999.

Волкова¹⁵.

Наконец, в Институте славяноведения РАН был в последние годы реализован большой проект по написанию истории славянских народов в XX веке – одновременно и исследовательский, и обобщающий¹⁶. Этот проект помогает увидеть, как же в целом выглядит сегодня история славянских народов, по частям составлявшаяся учеными в прошедшие десятилетия, представить себе общую картину, основные тенденции, выводы, этапы, наметить будущие исследования.

В полной мере это относится к труду «Югославия в XX веке», в котором Сербия занимает центральное место. До этого в отечественной историографии подобной обобщающей работы по новейшей истории югославянских народов не было. Предыдущий труд – двухтомная «История Югославии» – был написан еще в 1963 г. Повествование в нем доведено

¹⁵ Пока в свет вышли лишь несколько сборников, посвященные памятным датам этих крупных ученых. См., например: Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. Материалы международной конференции. М., 2004; В «интерьере» Балкан. Юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян. М., 2010; Славянство, растворенное в крови... В честь 80-летия члена-корреспондента Российской академии наук Владимира Константиновича Волкова. М., 2010.

¹⁶ Болгария в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. Е.Л. Валева. М., 2003; Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории в 2 кн. / Отв. ред. В.В. Марьина. М., 2005; Югославия в XX веке. Очерк политической истории / Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2011; Польша в XX веке / Отв. ред. А.Ф. Носкова. М., 2012 (в печати).

лишь до 1945 г.¹⁷

¹⁷ История Югославии в двух томах. М., 1963. Т II.

Часть I. Сербские сюжеты

Цикличность новой сербской истории

Мы постараемся изложить некоторые мысли, выявить проблемы, поставить вопросы, которые, возможно, помогут настоящим и будущим исследователям при осмыслении новой истории Сербии.

При общем взгляде на достаточно длительные временные отрезки большое значение приобретает их периодизация. В случае с Сербией XIX и XX вв. в качестве критерия можно взять «государственность» сербского народа. Тогда получится, что его история имеет определенную цикличность и распадается на пять этапов, четыре из которых частично или полностью захватывают XX век:

- борьба за независимость, то есть «Сербская революция» и автономное княжество (1804–1878)¹⁸;
- независимое государство – Сербское королевство (1878–1918);

¹⁸ Сербский историк Р. Люшич делит этот этап на две части 1835-м годом, когда Сербия не только обрела автономию, но и рассталась с турецкой феодальной системой. Подробнее о периодизации истории Сербии в XIX и начале XX вв. см.: *Љушић Р. Државно-друштвена и генерацијска периодизација нововековне Србије (1804–1918) // Љушић Р. Србија 19. века (2). Београд, 1998. С. 9–33.*

- Сербия в составе «первой», карагеоргиевичевской (королевской) Югославии (1918–1944);
- Сербия в составе «второй», титовской (социалистической) Югославии (1944–1992);
- Сербия в составе «третьей», милошевичевской (сербско-черногорской) Югославии (1992–2000).

Характерно, что каждый этап одновременно начинается и заканчивается с больших международных потрясений:

- начало наполеоновских войн (они хотя и не затронули собственно сербские земли, но окончательно сделали Балканы объектом международных отношений);
- Восточный кризис 70-х годов XIX в.;
- Первая мировая война;
- Вторая мировая война;
- наконец, современный югославский кризис, включая и натовскую агрессию против Югославии в 1999 г.

Таким образом, именно международные события, борьба держав на Балканах и за Балканы в решающей степени влияли на очередные крутые повороты в истории Сербии. Именно эти события во многом жестко структурируют всю ее новую историю.

После завоевания Турцией Балканы фактически оказались в Азии. Недаром и в России этим регионом занимался Азиатский департамент Министерства иностранных дел. И только через несколько столетий началось возвращение этого региона в Европу.

Балканы стали частью общеевропейской международной системы в последней трети XVIII в., в связи с возникновением Восточного вопроса. А сам Восточный вопрос был открыт Кучук-Кайнарджийским миром, заключенным после русско-турецкой войны в 1774 г.¹⁹ Чуть позже состоялась и последняя австрийско-турецкая война (1788–1791 гг.). Одновременно Великая французская революция и начало наполеоновских войн ускорили процесс втягивания Юго-Восточной Европы в мировые международные отношения, что не могло не сказаться на судьбах проживавших там народов.

Сербский историк Радош Люшич пишет: «Конец XVIII и начало XIX в. представляют собой время войн и революций, и его можно считать переломным периодом в истории Европы и, естественно, Балкан, являющихся ее частью... В это военное и революционное время из темной бездны Балкан вырвалась накопленная за века духовная и физическая сила измученного сербского народа и как лавина стала сметать феодальную Турецкую империю»²⁰.

Подобно тому, как рубеж XVIII и XIX вв. открыл Балканы Европе и миру, рубеж XIX и XX вв. окончательно сделал их «интегральной частью Европы». Более того, регион «превратился в центр конфликта континентальных и морских евро-

¹⁹ См.: *Достян И.С.* Особая позиция России // Александр I, Наполеон и Балканы. М., 1997. С. 15.

²⁰ *Љушић Р.* Други српски устанак (1815) // *Љушић Р.* Србија 19. века. Београд, 1994. С. 65.

пейских держав»²¹. Этот конфликт, в свою очередь, привел к Первой мировой войне, после которой мир базировался на системе Версальских договоров 1919–1920 гг. Одновременно с распадом Османской империи Восточный вопрос исчез из повестки дня международной дипломатии, но Балканы уже никогда не теряли свое значение для международных отношений. Таковыми они были и во время Второй мировой войны, которая закончилась Ялтинско-Потсдамским урегулированием 1945 г. и установлением блокового биполярного мира. Наконец, югославский кризис, разразившийся после окончания «холодной войны» в конце XX в., стал ареной и ярким свидетельством складывания нового натоцентристского миропорядка во главе с США.

Таким образом, при замене одной системы международных отношений на другую важнейшую роль играли именно Балканы и, в частности, Сербия. Резкие повороты в развитии последней практически совпадают с установлением новых моделей системы международной безопасности. Но даже в периоды относительного затишья между очередными кризисами внутренние проблемы Балкан не шли ни в какое сравнение с их значением для международных отношений.

И еще одно интересное наблюдение. Замечено, что Великая французская революция стала своего рода «матрицей» для XIX века, а Первая мировая война – для XX века.²² На

²¹ Борђевић Д. Огледи из новије Балканске историје. Београд, 1989. С. 36.

²² См.: Екмечић М. Огледи из историје. Београд, 1999. С. 163.

наш взгляд, вполне возможно, что подобной «матрицей» для XXI века, по крайней мере для его первой половины, окажется югославский кризис 1991–2001 гг. Совершенно очевидно, что многие последовавшие вскоре войны в разных частях мира были развязаны по югославскому сценарию.

* * *

Кроме глобального международного фона, в истории Сербии как уже отмечалось, четко выделяется балканский пласт: региональное соперничество и сотрудничество балканских государств. Хотя, конечно, этот пласт чаще всего определялся деятельностью тех же великих держав. Вспоминается сербская шутка о балканском любовном треугольнике, при котором «Сербия любит Россию, Россия любит Болгарию, а Болгария – Германию». И все несчастны.

Говоря о региональной проблематике, нельзя обойтись без упоминания о «Начертании» Илии Гарашанина. Речь в этом документе шла прежде всего об объединении сербского народа²³. Между тем, «Начертание» трактуется некоторыми историками и политиками как доказательство якобы извечного стремления сербов к доминированию над соседними

²³ Подробнее о «Начертании» см., например: *Љушић Р.* Книга о Начертанију. Национални и државни програм Кнежевине Србије (1844). Београд, 1993; *Никифоров К.В.* Сербия в середине XIX в. (Начало деятельности по объединению сербских земель). М., 1995. С. 43–59.

народами, к созданию так называемой «Великой Сербии». Это словосочетание – «Великая Сербия» – вообще превратилось в своего рода жупел, наполнилось резко отрицательным, великодержавным смыслом²⁴. В 90-е годы XX в. клише «Великая Сербия» без конца повторяли не только журналисты, но и ведущие политики, в том числе, к сожалению, и некоторые российские.

Однако в «Начертании» не было идей национализма, шовинизма или национального превосходства, не было и ничего необычного для своего времени. Достаточно сказать, что в том же 1844 г., когда «Начертание» было написано, возникла известная «мегали идея» («великая идея») в Греции, позже идеи объединения Дунайских княжеств, создания Великой Болгарии, Великой Албании и т. п. Идея Великой Сербии как идея собирания всех сербских земель в одном государстве была не хуже и не лучше всех этих планов.

В целом балканский фон проходит через всю новую сербскую историю. Говоря о XX веке, уместно отметить такие региональные объединения, как Балканский союз времен Балканских войн; Малую, а затем Балканскую Антанту в межвоенный период; планы создания Балканской федерации, почти перешедшие в практическую плоскость сразу после Второй мировой войны, а затем и Балканский пакт первой половины 1950-х годов как своего рода региональный филиал НАТО. Собственно, и идеи южнославянского единства

²⁴ Подробнее см.: Велика Србија. Истине, заблуде, злоупотребе. Београд, 2003.

из XIX в., и образование единого государства югославян в 1918 г. в определенной степени находятся в этом же ряду.

* * *

Теперь обратимся к собственно сербской истории. По точному наблюдению крупнейшего сербского историка Слободана Йовановича, в общественно-политической жизни Сербии на протяжении длительного периода присутствуют две главные идеи – национальная и конституционная²⁵. Отмеченные две идеи, на самом деле, проходят через всю новую сербскую историю вплоть до наших дней.

Обратимся вначале к первой из них – национальной. В Сербии она понималась как освобождение и объединение сербских земель. К возрождению Сербского государства привели два мощных крестьянских движения – Первое и Второе сербские восстания, или, как принято называть их в историографии, – «Сербская революция»²⁶. Точно таким же путем пытались освободиться другие сербские земли, остав-

²⁵ *Јовановић С.* Влада Александра Обреновића. Београд, 1936. Ка. III. С. 396.

²⁶ Вопрос о времени окончания «Сербской революции» остается дискуссионным. Некоторые историки завершают ее 1815 годом; другие – хатти-шерифами 1830 и 1833 гг.; есть исследователи, которые доводят ее до 1878 г. (обретение независимости) и даже до 1918 г. (объединение сербов с другими югославянами). Р. Люшич временем окончания «Сербской революции» считает 1835 г., а в ней видит военный (до 1815 г.) и мирный периоды. Подробнее см.: *Љушић Р.* Социјална револуција. Проблеми // *Љушић Р.* Србија 19. века. С. 10–11.

шиеся в составе Османской и Австрийской империй. Из самых крупных подобных попыток следует упомянуть сербское движение в Южной Венгрии во время революции 1848–1849 годов в Австрийской империи и восстания православных крестьян 1870-х годов в Боснии и Герцеговине, положившие начало Восточному кризису. «В истории сербского народа, – указывает М. Экмечич, – Великий восточный кризис играет ту же роль, что и «Сербская революция» 1804 г., революция 1848 г., объединение 1918 г. Это одна из переломных точек в истории сербского народного объединения»²⁷.

Мы также считаем, что крестьянское движение в Боснии и Герцеговине потенциально могло стать «Третьим сербским восстанием» и закончиться тем же, что и первые два. Однако история распорядилась иначе. В результате именно в Боснии был зажжен фитиль Первой мировой войны и прошли самые ожесточенные на югославской земле битвы во время Второй мировой войны.

Кроме того, именно Босния стала основной ареной для двух гражданских войн – в 40-е и 90-е годы XX в. О характере этих и более ранних войн можно спорить. Однако, несомненно, были в них и этнический, и религиозный компоненты. Сравнивая события 1875 г. с войнами, начавшимися в 1914, 1941 и 1992 годах, тот же М. Экмечич видит больше всего сходства с последним югославским кризисом. И дей-

²⁷ *Екмечич М.* Огледи из историје. С. 154.

ствительно, лидеры боснийских сербов в ходе войны 1992–1995 годов, по их же собственным словам, пытались решить те же задачи, что и их предшественники в 1875 г.

Так или иначе, но процесс освобождения и объединения сербских земель с 1878 г. и до Первой мировой войны пошел в другом направлении, чем это было предвидено в «Начертании». В лице Австро-Венгрии Сербия получила мощную преграду на своем пути в Боснию. Ей осталось круто развернуться и расширяться на юго-восток, в сторону Македонии, и именно там, через Грецию, искать выход к морю.

Далее последовало расширение Сербии за счет Санджака (Рашки), Косово и Метохии и Вардарской Македонии после Балканских войн (1912–1913 гг.). В рамках Королевства сербов, хорватов и словенцев, образованного в 1918 г., Сербия объединилась с Черногорией, а также Воеводиной и другими населенными сербами землями бывшей Австро-Венгрии. Однако объединительный процесс не ограничился всесербским объединением, а распространился и на все югославянские земли Габсбургской монархии.

Через 70 лет при распаде Югославии начался обратный процесс. Провозглашение независимости бывшими югославскими республиками автоматически вело к новому расколу сербского народа. Более того, Сербия потеряла Черногорию, принадлежность населения которой к сербскому народу вплоть до Второй мировой войны не ставилось под сомнение, а также автономный край Косово и Метохию. Отде-

ление Черногории было особенно болезненным. Некоторые наблюдатели назвали его второй Косовской битвой, проигранной сербским народом.

Королевство Югославия во главе с династией Карагеоргиевичей, в котором сербы занимали доминирующее положение, так и не стало устойчивым, прочным государством. Хотя его руководство, казалось бы, перепробовало все варианты региональной политики – от унитаризма до федерализма. В 1939 г. хорватские земли (две прежние бановины) были выделены в Хорватскую бановину – особую автономию с достаточно широкими полномочиями. Вслед за этим должно было, по-видимому, последовать распространение подобной автономии на словенские земли (преобразование Дравской бановины в Словенскую) и затем – образование третьей, сербской федеральной единицы (Сербской бановины). Этому, однако, помешала война. Сербская бановина так никогда и не была создана. Наоборот, забегаая вперед, отметим, что на территории, на которую она могла бы теоретически претендовать, начали создаваться новые нации и новые республики.

Несмотря на все ухищрения, сербско-хорватские противоречия так и не были урегулированы. В преддверии войны они продолжали растаскивать страну, в середине которой была Босния, в разные стороны. Именно по этой оси распалась «первая», а затем и «вторая» Югославия.

«Вторая», титовская, Югославия в поисках решения на-

ционального вопроса – от формально федеративного, но по сути унитарного устройства по типу Советского Союза до фактически конфедеративного по конституции 1974 г. – в чем-то повторила путь королевской Югославии. И с тем же «успехом». Это замечено не только нами. Например, внимательный исследователь югославского «самоуправления» П.Е. Кандель пишет: «“Вторая Югославия” не только повторила судьбу “Первой”, вновь пройдя путь от централизма до федерализации и распада. Несмотря на все различия в их общественном и политическом строе, по сути, на этой сцене была дважды поставлена одна и та же драма, сюжет которой – национальный вопрос»²⁸.

Административные границы между федеративными республиками в «титовской Югославии» фактически возвращали всю ситуацию ко времени до Первой мировой войны, реанимировали старые так называемые «исторические границы» между Австро-Венгрией, Сербией и Черногорией. Как будто бы межвоенного периода просто не существовало. Кроме того, административно из Сербии были выделены автономные края Воеводина и Косово и Метохия. Существовали планы создания также автономного края Санджак. В то же время были предложения присоединения к Сербии на правах автономии Боснии и Герцеговины, но шансов на реализацию они фактически не имели. Последняя попытка

²⁸ Кандель П. Югославский «Вавилон» // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 10. С. 105.

всесербского объединения была предпринята во время распада «второй Югославии» на начальном этапе югославского кризиса в первой половине 1990-х годов. Этому, как известно, жестко воспрепятствовало так называемое мировое сообщество. Таким образом, сербы вновь оказались разделенным народом. Эта проблема, которую часто называют «сербским вопросом», из XIX в. перескочила в XXI в.

С «сербским вопросом» тесно связана и проблема сербского национального самосознания. В первой половине XIX в. национальное самосознание сербов было самым развитым по сравнению с соседними народами, к концу же XX в. оно оказалось самым размытым. В этом смысле можно говорить даже о том, что процесс оформления сербской нации до сих пор еще окончательно не завершился.

В самой Сербии существуют серьезные региональные различия, есть разногласия между жителями собственно Сербии – «сербиянцами» – и живущими за Савой, Дунаем и Дриной «пречанами», между сербами из Центральной Сербии и сербами из Косово, между сербами и черногорцами (часть которых все интенсивнее формируется в отдельную от сербов нацию) и т. п. Существуют две версии сербского литературного языка (закрепленные реформой В. Караджича), а в Черногории уже на официальном уровне признается существование черногорского языка²⁹. Нельзя не сказать и о

²⁹ См., например: *Ivić P.* Књижевни језик као инструмент културе и продукт историје народа // *Историја српске културе*. Горњи-Милановац; Београд, 1994.

преобладании в Черногории и достаточно распространено в Сербии латинского письма вместо родной для сербского языка кириллицы.

Отражением всех этих противоречий стало то, что с XIX в. в Сербии существовали три концепции, три взгляда на перспективы развития государства: развитие в рамках существующих границ («узкосербская»), достижение в каких-либо формах всесербского объединения («великосербская») и объединение также в каких-либо формах с другими южными славянами (югославизм).

Еще одна подобная проблема – почему сербская нация потеряла к сегодняшнему дню все свои иноконфессиональные и инорелигиозные ответвления? Почему для сербов потеря веры всегда означала потерю национальности? Многочисленные некогда сербы-католики превратились теперь в хорватов, а сербы, принявшие ислам, образовали со временем отдельную «мусульманскую», ныне – боснийскую нацию. В то же время существуют многочисленные противоположные примеры. На тех же Балканах живут албанцы – не только мусульмане, но и католики и православные.

Такую ситуацию сербский академик В. Крестич объясняет, в частности, разрывом в истории сербской государственности после уничтожения сербских средневековых государств, а также уничтожением сербской элиты после ту-

рецкого завоевания³⁰. Мы бы добавили, что сербская государственность прервалась фактически еще раз в 1918 г., когда она была растворена в государственности югославской. Сербский историк Дж. Станкович справедливо отмечает, что после 18-го года началась «демобилизация сербов». Тяжелые последствия имел также разрыв государственности после нападения на Югославию гитлеровской Германии и победы коммунистов в национально-освободительной и гражданской войнах. И вновь сильнее всего пострадал господствующий слой³¹.

На «демобилизацию» сербов, конечно, не могли не повлиять и огромные жертвы в годы двух мировых войн. Напомним, что в Первую мировую войну погибло около 1 млн. сербов. Немногим меньше, но сопоставимо погибло сербов и в годы Второй мировой войны (цифры потерь до сих пор остаются дискуссионными, в Сербии их часто завышают, в Хорватии – занижают).

Говоря о национальной политике Сербии, позволим себе затронуть еще проблему так называемых «этнических чисток». До Первого сербского восстания на территории Белградского пашалыка проживало 40–50 тыс. турок и потурченцев, а православных сербов – около 400 тыс. То есть му-

³⁰ *Kрестинић В.* О интеграцији и дезинтеграцији српског народа // Српско питање данас. Други конгрес српских интелектуалаца (Београд, 22–23. април 1994). Београд, 1995. С. 40.

³¹ Там же. С. 41–42.

сульманином был почти каждый десятый. Накануне Второго сербского восстания мусульманское население сократилось вдвое и составляло уже около 24 тыс.³² В дальнейшем борьба сербского народа за независимость была также неразрывно связана с изгнанием из страны турецкого населения и прежде всего ликвидацией турецких крепостей с гарнизонами в сербских городах (1862 и 1867 гг.). Принцип был один: «чем меньше турок, тем свободнее Сербия».

Уместно вспомнить и другую часть сербского народа – черногорцев, которые под девизом «Очистим Черногорию от турецкого духа» в ночь под Рождество 1709 г. истребили несколько тысяч потурченцев. Изгнание черногорцев-мусульман продолжалось весь XVIII век.

В новой сербской истории были попытки несколько изменить такой характер борьбы за независимость. В частности, у И. Гарашанина в «Начертании» предполагалось сотрудничество с мусульманами, особенно в Герцеговине³³. Однако развития эта тенденция не получила.

Насильственные этнические перемещения происходили, разумеется, не только в Сербии, не только на Балканах и не только в XIX в. ими изобилует весь XX век. Можно также сказать, что от «этнических чисток» в конечном счете больше всех пострадали сами сербы. Хорошо известны массо-

³² Љушић Р. Српска револуција // Љушић Р. Србија 19. века. С. 17.

³³ Он же. Турско наслеђе у Кнежевини и Краљевини Србији // Србија 19. века (2). С. 76–77.

вые притеснения и убийства, настоящий геноцид, развязанный против сербского населения в Независимом государстве Хорватия во время Второй мировой войны. В титовской Югославии получил дальнейшее распространение процесс выдавливания сербов и черногорцев из Косово и Метохии. Наконец, миллионы людей, и опять больше всего сербов, были изгнаны с насиженных мест в конце XX в. во время югославского кризиса, когда и получил широкое хождение термин «этнические чистки». Понятно, что периодически повторявшиеся на Балканах «этнические чистки» были связаны прежде всего с чересполосным проживанием в этом регионе разных народов, невозможностью для них жить вместе и одновременно мирно разделиться.

Не была чем-то исключительным, резко отличающим Сербию от других стран и «конституционная идея». В Сербии она, по словам С. Йовановича, означала ограничение власти князя, а впоследствии короля. Ту же цель преследовали при своем появлении конституции и в других странах. Сербию, пожалуй, отличало лишь небывалое количество принимаемых конституций.

Перечислим сначала сербские конституции: 1) так и не вступившая в действие «Сретенская конституция» 1835 г.; 2) первая действовавшая «турецкая» конституция 1838 г.; 3) конституция 1869 г. (первая написанная самими сербами); 4) известная своим либерализмом и явно обгонявшая свое время конституция 1888 г.; 5) конституция 1894 г. (воз-

вращение конституции 1869 г.); 6) конституция 1901 г.; 7) конституция 1903 г. (восстановление конституции 1888 г.). Затем идут две югославские конституции из межвоенного периода: 1) Видов-данская конституция 1921 г. и 2) октроированная конституция 1931 г. Еще четыре конституции были приняты в послевоенные годы³⁴: 1) конституция ФНРЮ 1946 г.; 2) конституционный закон 1953 г. (по значимости равный конституции и закреплявший поворот к так называемому «рабочему самоуправлению»); 3) конституция СФРЮ 1963 г. (взявшая курс на «общественное самоуправление»); 4) конституция 1974 г. (означавшая официальный переход к «социалистическому самоуправлению», но фактически вводившая конфедеративное устройство). Конституции коммунистической Югославии являлись юридическим оформлением декларируемых попыток распространения «самоуправления» на все новые стороны жизни югославского общества. После распада титовской Югославии была образована Союзная Республика Югославия в составе Сербии и Черногории, которая базировалась на конституции СРЮ от 1992 г.

Таким образом, Сербия и Югославия (все три ее «реинкарнации») имели каждая по 7 конституций. Еще одна, так называемая конституционная хартия, регулировала отношения внутри существовавшего три года (2003–2006 гг.) госу-

³⁴ Мы говорим лишь о югославских конституциях, оставляя за скобками республиканские сербские конституции, которые играли все же подчиненную роль.

дарственного сообщества Сербии и Черногории. Наконец, 28–29 октября 2006 г. была принята ныне действующая Конституция Республики Сербии (первая конституция сербского государства после 1903 г.).

Разумеется, такая частота принятия новых конституций характеризует крайне неустойчивый политический режим на всем 200-летнем отрезке новой сербской государственности, постоянные поиски и изменения путей развития. Об этом говорит и то, что два раза сербские короли – Александр Обренович и Петр I Карагеоргиевич – восстанавливали старые, отмененные до этого конституции, и то, что несколько раз в истории Сербии (Югославии) конституции вообще отменялись и вся власть переходила к верховному правителю.

Кстати, типичным для Сербии оказался институт наместничества, или регентства, который заслуживает особого изучения. Различные наместничества проходят через всю новую сербскую историю: регентство при смертельно больном князе Милане Обреновиче и затем до признания Портой князем его брата Михаила Обреновича (1839–1840); два регентства, возглавляемые Й. Ристичем, при малолетних будущих королях Милане (1868–1872) и Александре (1889–1893) Обреновичах; с 1914 г. регентом при своем отце Петре Карагеоргиевиче стал будущий «король-объединитель» Александр I, и, наконец, в 1934 г. после его убийства был образован регентский совет при малолетнем наследнике Петре II. «Страсть» к коллективному руководству сохранилась и в

дальнейшем. После смерти Тито было фактически сформировано «регентство» над уже «больным» югославским государством, когда функционировал Президиум, составленный из представителей всех югославских республик.

Все это отражает сложный процесс складывания сербской государственности, в частности, слабость и неукорененность двух соперничавших сербских династий – Карагеоргиевичей и Обреновичей (не считая третьей сербской династии Петровичей-Негошей, существовавшей в Черногории). В Сербии за почти 140-летнее поочередное нахождение на престоле представителей двух династий власть крайне редко переходила от отца к старшему сыну: фактически это случилось только дважды, когда королями стали Александр Обренович и Петр II Карагеоргиевич, да и то отца первого заставили отречься от престола, а отец второго был убит в результате теракта. Насильственное прекращение полномочий того или иного монарха было скорее правилом, чем исключением. В своей монаршей постели умерли только Милош Обренович (успевший побывать до этого в 20-летней ссылке) и Петр I Карагеоргиевич, лишенный власти своим сыном. В целом династии в Сербии менялись четыре раза: по два раза каждая³⁵.

³⁵ Љушић Р. Државно-друштвена и генерацијска периодизација... С. 17. Кстати, в Сербии существовала, по-видимому, реальная возможность основания еще какой-нибудь династии. По некоторым данным, глубоко скрытые претензии на сербский престол имел, например, Илия Г арашанин (1812–1874). По крайней мере, его в этом обвиняли.

Наконец, в 2003 г. в Сербии был застрелен премьер-министр страны З. Джинджич, который пополнил ряды сербских политиков, возглавлявших страну и умерших не своей смертью. Это случилось ровно через сто лет после убийства в мае 1903 г. в Белграде группой офицеров-заговорщиков короля Сербии Александра Обреновича и королевы Драги. Но еще раньше, в 2000 г., был убит бывший председатель Президиума Союзной Республики Сербия Иван Стамболич, отстраненный от власти еще в 1987 г. Таким образом, возглавлявшие Сербию непосредственно до и после Милошевича сербские политики закончили свой земной путь одинаково – насильственным путем. Даже исполнитель был один и тот же – сербские спецслужбы.

Тема насильственной смены власти в Сербии тесно связана с темой сербского офицерства, престижа военной службы, общей милитаризации сербской политики. На определенном этапе развития страны вместо государственного аппарата, чиновничества именно армия стала одновременно и опорой, и угрозой для правящего режима. Кстати, и в местничества, как правило, входили военные.

Это отмечают и сербские историки. Так, Д. Джорджевич считал, что в конце XIX в. государственный аппарат из-за партийных распрей перестал быть надежной опорой правящего режима и эта роль постепенно перешла к регулярной армии, которая стала активным участником сербской поли-

тической жизни³⁶. Р. Люшич полагает, что армия приобрела новое значение и роль в политической жизни Сербии еще раньше, начиная со второго правления Михаила Обреновича, и именно он – «творец нашего милитаризма»³⁷. Можно вспомнить и известную тайную офицерскую организацию «Черная рука» во главе с Драгутином Димитриевичем-Аписом³⁸, и то, что опорой Александра Карагеоргиевича еще со времен Первой мировой войны была другая офицерская группировка, называвшаяся «Белой рукой».

Сербское офицерство стремилось сыграть в истории своей страны политическую роль и в дальнейшем. Назовем, в частности, движение четников Драголюба (Дражи) Михайловича во время Второй мировой войны, попытки руководства Югославской народной армии не допустить развала единой страны в начале 1990-х годов, наконец, упоминавшийся нами выход на политическую сцену сербских спецслужб в конце милошевичевского правления.

Офицерство пыталось заполнить нишу потомственной элиты, отсутствовавшей в Сербии после турецкого завоевания. Однако с проблемой неполной социальной структуры сербского общества связана и другая тема – более обшир-

³⁶ *Ђорђевић Д.* Указ. соч. С. 53–86; см. также: *Данченко С.И.* Развитие сербской государственности и Россия. 1878–1903 гг. М., 1996. С. 20.

³⁷ *Љушић Р.* Михаило Обреновић (1823–1868) // *Љушић Р.* Србија 19. века. С. 133.

³⁸ Подробнее см., например: *Макензи Д.* Апис. Гениальный конспиратор. М., 2005.

ная и почти главная для Сербии. Имеется в виду феномен сербского крестьянства. После изгнания турок Сербия превратилась в страну лично свободных мелких земельных собственников. Это дало основание многим наблюдателям и исследователям говорить о Сербии как о «рае для маленького человека», в котором существовала «земледельческая демократия».

Характерно, что в самой Сербии после обретения автономии, в отличие, например, от сопредельных Боснии или Болгарии, практически не было крупных крестьянских движений. Речь идет скорее о дворцовых переворотах, о которых мы упоминали. Бунтовать в «раю» не было серьезных причин. Консервативная крестьянская сила, возможно, мешала более быстрой модернизации страны, но одновременно придавала Сербии, несмотря на все политические катаклизмы, большую устойчивость. Впрочем, завершение Восточного кризиса в 1878 г. за редким исключением означало и для других балканских стран завершение эпохи больших крестьянских восстаний³⁹

³⁹ Борђевић Д. Указ. соч. С. 51.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.